

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО И РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧНИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI В.)

Х.И. Кайтаева

Е.Х. Апажева

Политический экстремизм продолжает оставаться в поле научного интереса ученых разных областей науки: историков, юристов, социологов, психологов и др. Несмотря на то, что время активного всплеска экстремизма осталось позади, никто не может с уверенностью констатировать, что оно ушло безвозвратно. Время от времени в разных регионах страны происходят события экстремистского толка, связанные с межнациональными или религиозными конфликтами, приобретающими политическую окраску. Актуальность данная тема приобретает с ведением Специальной Военной Операции на Украине и миграционными потоками из этой страны в Россию. Демилитаризация и денацификация Украины напомнили о событиях на территории Чечни, связанных с борьбой против международного терроризма. Цель данной статьи проанализировать формы и методы экстремистских технологий боевиков, апробированных на территории Российской Федерации в конце XX – начале XXI в. Задачами исследования являются анализ причин эскалации экстремизма на Юге страны, форм и методов политического экстремизма, а также выявление роли внешнего фактора. Последнему аспекту мы уделили в статье пристальное внимание, чтобы еще раз опровергнуть утверждения о том, что Россия воевала в то время против Чечни и чеченцев. Подготовка боевиков, поставка вооружения, подпольные бандформирования, денежная подпитка экстремизма – все это звенья одной цепи внешнего фактора – для давления на российское политическое руководство и образования на территории Российской Федерации так называемой «свободной Чечни» как плацдарма для дальнейшего развала страны. С помощью исторических методов исследования мы выделили три этапа экстремистской деятельности на территории Чечни и провели обобщающий анализ форм и методов политического и религиозного экстремизма на сложном историческом отрезке времени.

Ключевые слова: политический экстремизм, захват заложников, религиозный фактор, бандформирования, дудаевский режим.

Для цитирования: Кайтаева Х.И., Апажева Е.Х. Формы и методы политического и религиозного экстремизма на территории Чечни: исторический аспект (конец XX – начало XXI в.) // Известия СОИГСИ. 2024. Вып. 51 (90). С. 48-64. DOI: 10.46698/VNC.2024.90.51.010

Развал СССР и крушение советской идеологии привели к замене ее на множество других, в том числе и экстремистских, заполнивших свободную нишу. В этом плане ранее на множество других, в том числе религиозный экстремизм стал самым

опасным и самым разрушительным. Возрождение ислама было использовано противниками России, стремящимися подорвать страну изнутри, в том числе и силами новоявленных мусульман. Этим занимались многочисленные международные организации по всему миру, рекрутируя своих сторонников на Северном Кавказе. Религиозный фанатизм и нетерпимость стали их главным оружием.

Обострению социальных противоречий и использованию для их разрешения экстремистских методов политической борьбы способствовало сложное состояние экономики и социальной сферы в регионе. Криминогенная обстановка в кавказском регионе характеризовалась высокой степенью преступности, обусловленной психологией жизни населения в зонах вооруженных конфликтов или вблизи них, разрушением общегражданских норм коллективного существования, возрождением некоторых архаичных традиций типа кровной мести и др. Свое влияние оказывала негативная историческая память, например, связанная с политикой насильственного присоединения к России, использовавшаяся националистическими силами для возбуждения «вируса» сепаратизма [1, 225].

Исторически Кавказ всегда был нестабилен: трудный, временами

кровавый, процесс интеграции в состав Российской империи, этнические столкновения в эпоху СССР. Закономерно, что и в начале 1990-х годов он оказался «слабым звеном» в составе Российской Федерации. Наиболее показательна в этом отношении история так называемого «чеченского» терроризма¹.

Судя по количественным показателям, видам и формам совершенных террористических актов, а также с учетом масштабов экстремистской деятельности, в чеченском политическом терроризме можно выделить три этапа: 1 этап – первая половина 90-х гг. XX в.; 2 этап – вторая половина 90-х; 3 этап – первое пятилетие XXI в.

Первый этап политического экстремизма в первой половине 90-х гг. на территории Чечни был отмечен единичными террористическими актами, связанными преимущественно с захватом заложников. На данном этапе экстремисты проводили своеобразную «разведку боем», демонстрируя новой российской государственной власти свою силу.

Так, 9 ноября 1991 г. вооруженная группа из восьми боевиков во главе с Шамилем Басаевым осуществила захват выполнявшего рейс по маршруту Минеральные воды – Екатеринбург и угон в Турцию самолета Ту-154, со 178 пассажирами на борту. После приземления в Анкаре

на организованной турецкими властями конференции Басаев заявил, что угнал самолет в знак протеста против чрезвычайного положения в Чечено-Ингушетии, а также чтобы «обратить внимание мирового сообщества на имперские действия России» в отношении их родины. Террористы требовали не допустить ввода российских войск в Чечню. Это был первый и самый бескровный теракт Басаева, который поднял свой авторитет среди дудаевцев и вошел в число их лидеров [2].

В августе 1992 г. чеченским экстремистом был захвачен самолет Ту-154, следовавший по маршруту Грозный – Москва. Преступник, угрожая взорвать гранату, потребовал изменить курс и следовать в Турцию. В результате действий ОМОНа, угонщик был ликвидирован. Экипаж и пассажиры не пострадали.

В мае 1994 г. в районе населенного пункта Кинжал Ставропольского края четыре вооруженных чеченца захватили экскурсионный автобус «Владикавказ – Ставрополь» со школьниками, их родителями и учителями. В заложниках оказались около 30 человек. После переговоров с властями террористы отпустили всех детей и несколько взрослых, и пересели на вертолет, который взял курс на Дагестан. Из-за изменения маршрута полета была совершена посадка на территории Чечни. Через

час бандиты были обезврежены. Заложники не пострадали.

В июле того же года в аэропорту Минеральных Вод чеченские террористы захватили вертолет с заложниками. Когда отряд спецназа попытался прорваться в вертолет, один из боевиков взорвал в салоне гранату, из-за чего 19 пассажиров получили ранения, четверо из них скончались. Все террористы были задержаны [2].

Во второй половине 90-х г. начался новый этап в развитии политического терроризма, который характеризовался значительным расширением масштабов экстремистской деятельности чеченских боевиков.

Характер чеченского политического терроризма изменился с декабря 1994 г., когда на территории Чечни российскими войсками началась операция по восстановлению конституционного порядка. Упор был сделан на проведение широкомасштабных террористических операций с участием многочисленных бандформирований. При этом выдвигались политические требования – «прекратить кровопролитие» со стороны России с апелляцией к российскому и международному общественному мнению «остановить войну в Чечне любыми средствами».

14 июня 1995 г. чеченские экстремисты (группировка около 100 чел. под руководством Ш. Басаева) осуществили захват г. Буденновска

(Ставропольский край). Боевики согнали и удерживали в местной городской больнице более 1200 жителей города. Оказывавших сопротивление или не выполнявших требования террористов, расстреливали на месте. На пресс-конференции с участием зарубежных журналистов Басаев заявил, что цель акции – добиться прекращения боевых действий российской армии в Чечне. В ночь на 17 июня начался штурм больницы, и боевики начали отступать к чеченской границе, захватив с собой более двухсот заложников, в основном женщин и детей. Недалеко от горного селения Зандак заложники были освобождены. В результате бандитской акции в Буденновске погибли 130 мирных граждан, 18 работников милиции, 18 военнослужащих, свыше 400 человек получили ранения различной степени тяжести [3, 12].

9 января 1996 г. группа боевиков из более чем 400 человек под командованием С. Б. Радиева и Х. Г. Исрапилова вошла в дагестанский город Кизляр, захватив и удерживая, как и в случае с Буденновском, больницу с заложниками. За каждого погибшего чеченца они грозили расстреливать по 15 мирных жителей. Политические требования террористов оставались неизменными - вывод из Чечни российских войск. 11 января отряд боевиков выехал в Чечню на

предоставленных автобусах, используя в качестве «живого щита» более 100 заложников. Колонна была остановлена федеральными силами на границе Чечни у села Первомайское. Захватив в заложники дежуривших на блок-посту сотрудников российского ОМОНа, террористы отошли в село и заняли там оборону.

15 января 1996 г. днем подразделения российского спецназа при поддержке артиллерии и авиации начали атаку на Первомайское. Решение о штурме было принято после того, как боевики начали убивать заложников. Операция по уничтожению террористов была завершена 18 января, однако большая часть бандитов прорвалась из окружения, и ушла в Чечню. В результате нападения банды Радиева на Кизляр и Первомайское погибли 78 военнослужащих, сотрудников МВД и мирных граждан Дагестана, несколько сотен человек получили ранения различной степени тяжести [4].

Чтобы оказать давление на российское политическое руководство и добиться снятия блокады с с. Первомайского, по прямому указанию Ш. Басаева 16 января 1996 г. в турецком порту Трабзон группа боевиков из группировки «Внуки Шамиля» во главе с Мохаммедом Точканом, захватила паром «Аврасия» с более чем 200 россиянами борту. Российских граждан отделили от других пасса-

жиров и угрожали им расправой. В отношении других пассажиров силовых действий не предпринималось. После двухдневных переговоров и проведенной пресс-конференции экстремисты сдались властям. Спустя несколько дней паром «Аврасия» вернулся в Сочи [5].

Обращает на себя внимание тот факт, что в январе 1996 г. чеченскими экстремистами были впервые проведены согласованные по времени масштабные террористические акты. При этом свои террористические действия они пытались сделать серьезным информационным оружием. Проведенные акции должны были доказать российской общественности уязвимость политической власти в России и, кроме того, – показать международному сообществу справедливость борьбы «маленькой Ичкерии» с «большой империей».

После подписания 22 августа 1996 г. Хасавюртовских соглашений, фактически признавших независимость Чечни, превративших её в питомник экстремизма, тактика боевиков вновь изменилась. Распространенной формой проведения террористических актов становятся похищения российских и иностранных журналистов, представителей иностранных гуманитарных миссий, работавших в Чечне строителей и бизнесменов. Предпринимались

провокационные убийства (например, двух врачей Красного Креста в декабре 1996 года). В марте 1999 г. в Грозном террористы, демонстрируя свои возможности, похитили полномочного представителя МВД РФ генерала-майора милиции Г.Н. Шпигуна.

Одновременно на территорию соседних с Чечней Дагестана и Ингушетии продолжались совершаться вооруженные вылазки, в ходе которых захватывались заложники: милиционеры и гражданские лица. Масштаб этих вылазок изменился до военной операции в августе 1999 г., в связи с попыткой чеченских экстремистов реализовать на практике идею создания «Исламского государства Северного Кавказа».

2 августа 1999 г. вооруженные формирования чеченских боевиков вторглись из Чечни на территорию Цумадинского и Ботлихского районов Дагестана, захватив ряд населенных пунктов. Руководило операцией так называемое «Объединенное командование дагестанских моджахедов» (ОКДМ) во главе с Ш. Басаевым. Основные силы ваххабитов были сведены в три группировки – «Исламскую армию Кавказа» (Багаутдин), «Дагестанскую повстанческую армию Имама» (Тагаев) и «Миротворческие силы меджлиса народов Ичкерии и Дагестана» (Хаттаб).

По замыслам руководства ОКДМ, на первом этапе под кодовым названием «Имам Кази-Магомед», их на территории Республики Дагестан должны были поддержать местные сторонники «чистого ислама», экстремистски настроенная часть чеченцев-аккинцев и некоторые другие силы. Ваххабиты призывали к вооруженному джихаду не только против неверных, но и против мусульман, которые не разделяют их взгляды. Такая постановка вопроса и дала им возможность идейно обосновать ведение вооруженной борьбы, террористические акты, как против федеральной власти, так и против властей Дагестана, мусульманского духовенства, простых дагестанцев. Однако подобные действия экстремистов вызвали сопротивление дагестанского населения, особенно приграничных с Чечней районов, которые оценили действия боевиков как бандитские и стали формировать свои отряды самообороны. Именно негативная реакция на вторжение со стороны подавляющего большинства населения республики и международной общественности стала одной из основных причин, по которой от участия в вооруженной борьбе отказались дагестанские «исламисты».

После неудачного завершения первого этапа по «освобождению» Дагестана руководство «ваххаби-

тов» объявило о начале второго этапа операции под кодовым названием «Имам Гамзат-бек», цели и задачи которого официально не разглашались.

После боев с федеральными силами, которые продолжались более месяца, террористы отошли на территорию Чечни. В сентябре 1999 г. руководством «Объединенного командования дагестанских моджахедов» прорабатывались варианты нового вторжения в Дагестан, которым не суждено было сбыться в связи с начавшейся антитеррористической операцией российских войск непосредственно на территории Чечни. Тем не менее одиночные вылазки с захватом милиционеров продолжались до ноября 1997 г. в Дагестане и до декабря того же года в Ингушетии.

Параллельно с планированием и осуществлением широкомасштабных военных действий с весны 1997 г. чеченские боевики стали менять методы и тактику совершения террористических актов, преимущественно путем подрыва мощных самодельных взрывных устройств в местах большого скопления людей.

19 марта 1999 г. мощный взрыв прогремел на Центральном рынке Владикавказа (67 чел. погибли, более 100 получили ранения) [6].

23 апреля 1997 г. экстремисты организовали взрыв на железнодоро-

рожном вокзале города Армавира Краснодарского края (3 чел. погибли и более 10 получили ранения). Через несколько дней, 28 апреля, в зале ожидания железнодорожного вокзала г. Пятигорска Ставропольского края произошел взрыв, в результате которого 2 человека погибли и 17 было ранено [6].

Целая серия согласованных по времени и месту терактов потрясла Россию в сентябре 1999 г. во время боев федеральных сил с боевиками Басаева и Хаттаба в Дагестане. Целями террористических атак стали жилые дома как в столичном центре, так и на периферии.

Так, 4 сентября в дагестанском г. Буйнакске рядом с пятиэтажным домом на улице Леваневского, 3, в котором проживали семьи военнослужащих 136-й мотострелковой бригады Минобороны России, был взорван грузовик ГАЗ-52. В машине находилось 2,7 т. килограммов взрывчатого вещества из алюминиевого порошка и аммиачной селитры. Были разрушены два подъезда, 58 человек погибли, 146 были ранены. Позднее ещё 6 человек скончались от полученных травм.

8 сентября произошёл взрыв в Москве на улице Гурьянова. Взрывное устройство сработало на первом этаже 9-этажного жилого дома 19. Два подъезда были полностью уничтожены. Погибли 92 человека,

264 были ранены. 13 сентября прогремел взрыв на Каширском шоссе в Москве – в подвальном помещении 8-этажного жилого дома. Мощность взрыва – 300 килограммов в тротиловом эквиваленте. Погибли 124 человека, 9 получили ранения.

16 сентября в городе Волгодонске Ростовской области около 9-этажного дома на Октябрьском шоссе детонировал начиненный взрывчаткой грузовик ГАЗ-53. Мощность взрыва составила 1–1,5 тыс. килограммов в тротиловом эквиваленте. В результате обрушилась фасадная часть двух подъездов, на некоторых этажах возник пожар. Погибли 19 человек, всего пострадавших – 310. [7].

Масштабы террористических актов, проведенных чеченскими боевиками в сентябре 1999 г. свидетельствовали о начале широкомасштабной террористической войны против федеративного Центра. Подобным образом экстремисты пытались показать неотвратимость своего ответного «возмездия» за действия федеральных сил на территории Чечни и Дагестана, повысить эффект психологического воздействия на российских граждан, сформировать атмосферу всеобщего страха и недовольства политической линией правительства в отношении Чечни.

Третий этап чеченского политического терроризма, хронологически рамки которого охватывают пер-

вое пятилетие XXI в., характеризуется новым изменением тактики действий боевых террористических групп. По времени он начался практически одновременно с осуществлявшейся с 7 августа 1999 г. по 16 апреля 2009 г. федеральными силовыми структурами войсковой контртеррористической операцией.

Вторжения отрядов чеченских боевиков в Дагестан, взрывы в столице и других российских городах, приведшие к массовым человеческим жертвам и масштабным разрушениям, свидетельствовали о неспособности и нежелании чеченских властей выполнять хасавюртовские соглашения. Они показали руководству страны очевидность и необходимость жестких ответных военных действий в форме контртеррористической операции. Для ее проведения была создана Объединённая группировка войск на Северном Кавказе, которая осуществила разгром основных сил бандформирований. Эти события получили название Второй чеченской войны.

Ликвидация основных центров политического экстремизма на Северном Кавказе заставила чеченских сепаратистов перейти к упомянутой тактике «автономного джихада» действиям небольшими подпольными террористическими группами в разных населенных пунктах Чечни и за ее пределами. При этом

стал практиковаться «жертвенный» (самоубийственный) терроризм с участием террористов-смертников, который десятки лет использовался фундаменталистскими террористическими организациями в разных странах (Ливане, Израиле, Пакистане, Индии и других). Террористы стали осуществлять точечные атаки, но по-прежнему стремились к сохранению масштабов разрушений и увеличению количества жертв терактов. При этом интенсивность террористической деятельности не снижалась.

Очередной крупный теракт с захватом заложников в Театральном центре на Дубровке был проведен по указанию Ш. Басаева 23 октября 2002 г. в Москве. Террористы захватили более 900 человек и заминировали здание. Они объявляли себя смертниками и требовали вывода российских войск из Чечни. Утром 26 октября спецназ начал штурм, во время которого был применен нервнопаралитический газ. Главарь боевиков М. Бараев и большая часть террористов были уничтожены, трое задержаны. Погибли 130 человек из числа находившихся в зале заложников.

27 декабря 2002 г. члены бандформирования Ю. Садуева по поручению Ш. Басаева организовали теракт в г. Грозном. Начиненные взрывчаткой автомобили, управляемые подготовленными для этого шахидами,

взорвались у Дома правительства. В результате 48 человек погибли непосредственно на месте взрыва, ещё 23 скончались впоследствии в больницах. 640 человек получили ранения различной степени тяжести. На некоторое время была парализована работа государственных структур Чеченской республики [8].

В 2004 г. произошла новая череда террористических атак.

6 февраля на Замоскворецкой линии московского метрополитена между станциями «Автозаводская» и «Павелецкая» был взорван вагон электропоезда. Смертоносное устройство привёл в действие террорист-смертник. В результате 41 человек погиб, около 250 были ранены. 9 мая во время праздничных мероприятий в Грозном, посвященных Дню Победы, в ходе теракта был убит президент Чечни Ахмат Кадыров. 24 августа 2004 г. практически одновременно разбились два пассажирских самолёта. Оба вылетели из Московского аэропорта Домодедово: Ту-154 авиакомпании «Сибирь» направлялся в Сочи, Ту-134 авиакомпании «Волга-Авиаэкспресс» – в Волгоград. Взрывы на бортах лайнеров произошли с разницей в минуту в 22:54 и 22:55. Взрывные устройства привели в действие террористки-смертницы. Все пассажиры и члены экипажа в обоих самолетах погибли. Число жертв – 89 человек;

31 августа смертница взорвала себя у метро «Рижская»: погибли 10 человек, 50 были ранены [7].

Громкий общественный резонанс в стране вызвал теракт, проведенный 1 сентября 2004 г. в североосетинском городе Беслане. Воспользовавшись митингом, устроенным руководством школы в День знаний, экстремисты захватили более 1100 учащихся школы №1, их родственников и учителей. Людей загнали в спортзал и держали там три дня без еды и воды. 2 сентября после переговоров с экс-президентом Республики Ингушетии Русланом Аушевым бандиты отпустили 25 женщин и детей. 3 сентября в здании началась стрельба и взрывы, сотрудники спецслужб были вынуждены начать штурм, который привел к значительному количеству жертв. В итоге 334 человека, включая 186 детей, погибло, более 800 получили ранения различной степени тяжести. По количеству погибших детей это был один из самых чудовищных террористических актов в истории современной России. Боевиков уничтожили, одного выжившего приговорили к смертной казни, заменённой на пожизненное заключение.

Ликвидация в 2005-2006 гг. руководителей чеченских боевиков А.А. Масхадова, А. Хаттаба, А.А. Бараева, Абу аль-Валида, Ш. Басаева и многих других полевых команди-

ров привели к резкому снижению активности террористов. Попытка боевиков возобновить масштабные операции (нападение на Кабардино-Балкарию 13 октября 2005 г.) завершилась провалом. В апреле 2009 г. режим контртеррористической операции на территории Чеченской Республики был отменен. Однако в последующие годы полностью исключить кровавые террористические акты не удалось.

Экстремистская деятельность в Чечне развивалась на основе формирования самопровозглашенного государства и нелегитимных органов власти. Своеобразие политического терроризма в России конца 90-х гг. состояло в том, что в организационном плане он вышел на создание террористических государственных структур, по сути, предвосхитив последующее образование теократического террористического «Исламского государства» (ИГ)² (деятельность запрещена на территории РФ).

Объявив 1 ноября 1991 г. о независимости самопровозглашенной Чеченской Республики (с января 1994 г. – Чеченская Республика Ичкерия), ее лидер – бывший генерал-майор советских ВВС Джохар Дудаев, с первых дней своего существования взял курс на выход из состава Российской Федерации. Достижение политической независимости и национального суверените-

та осуществлялось экстремистскими методами. Руководство Республики призывало порвать все отношения с Россией, а проживающих в Москве чеченцев – превратить российскую столицу в зону бедствия [3,56].

Сам Дудаев неоднократно заявлял «о переносе войны в российские города», тем самым превратив Чечню в центр политического терроризма на территории Российской Федерации. [3,87].

Политика политического терроризма в отношении субъектов Российской Федерации сочеталась с политикой политического террора по отношению к представителям других, не кавказских, национальностей, а также чеченцев, выступавших против выхода из состава России. С приходом к власти дудаевцев, в республике начались этнические чистки. Основной удар был направлен против «лиц некавказской национальности», по факту - на русскоязычное население. Путем шантажа, угроз и насилия, как правило с применением оружия, в Грозном и прилегающих к нему районах стал осуществляться массовый захват их квартир, домов, имущества. По воспоминаниям свидетелей и невольных участников событий того времени, «проблемы начались ещё в 1990 г., тогда в почтовых ящиках появились первые «письма счастья» — анонимные угрозы с требованием убираться по-хорошему.

В 1991 г. стали среди бела дня стали исчезать русские девчонки. Потом на улицах стали избивать русских парней, затем их стали убивать. В 1992 г. начали выгонять из квартир тех, кто побогаче. Потом добрались до середняков. В 1993 г. жить было уже невыносимо» [9]. Гонениям подвергались и кавказцы, работавшие в советских государственных органах, партийных и общественных организация и силовых структурах Чечено-Ингушской АССР. Их обвиняли в «сотрудничестве с оккупантами». Грабежи, разбои, похищения и убийства людей стали повседневным явлением. С 1997г., после введения властями Чечни права шариата, начали осуществляться публичные казни [10]. С захватом финансовой системы республики дудаевская элита получила источник финансирования для осуществления своих преступных замыслов. Одновременно происходило сращивание криминальных группировки органов власти и образование на этой основе мафиозных структур, которые устанавливали свои криминальные порядки и творили беззаконие. За три года обособления от России политический режим Д. Дудаева создал в Чечне аномальную, ни на что не похожую особую «свободную криминальную зону» [11, 43].

Надо отметить, что чеченский экстремизм значительно отличал-

ся по организационной структуре, численности и вооружению террористических организаций. Заявив о независимости Чеченской Республики, Дудаев и его окружение стали создавать собственные так называемые «Вооруженные Силы» - в действительности незаконные террористические вооруженные формирования в виде «народного ополчения», которое комплектовалось за счет призыва и мобилизации чеченского мужского населения, а также завербованных иностранных наемников и выпущенных на свободу преступников. На базе «ополчения» формировались боевые отряды и группы, которые предполагалось вооружить не только стрелковым оружием, но и боевой техникой частей и подразделений Советской Армии, дислоцировавшихся на территории Чечни [12].

В феврале 1992 г. чеченские экстремисты устроили тотальные нападения на военные городки с целью их грабежа и захвата оружия. Одним из самых первых был «национализирован» 173-й окружной учебный центр. Были захвачены и разгромлены полк внутренних войск, авиационный учебный полк, полк РТВ ПВО страны.

Таким образом, дудаевский режим получил необходимые средства не только для совершения террористических актов, но и ведения широкомасштабных боевых действий.

Имея необходимые финансовые средства и учебно-материальную базу, дудаевское руководство создало развитую систему всесторонней подготовки боевиков в специализированных учебных центрах, где прошли обучение сотни террористов [13].

Первоначально главной базой для подготовки моджахедов стал упомянутый бывший 173-й окружной учебный центр Советской Армии. В 1996 г. при помощи чеченской общины в Иордании в районе селения Сержень-Юрт Шалинского района Чечни был создан учебный диверсионно-террористический лагерь – «Кавказский институт исламского призыва» («Кавказский институт – Да'ва»), который фактически являлся филиалом международной экстремистской организации «Братья-мусульмане». Первоначально его возглавлял иорданский шейх Абу Сальман, имевший псевдоним «Фатх», затем один из главарей чеченских террористов – А. Хаттаб. Деятельность «института» финансировала находящаяся в Саудовской Аравии организация «Международная исламская помощь» [14, 340].

В «Да'ва» готовились диверсанты и террористы в возрасте от 17 лет и старше. Значительное внимание уделялось их идеологической обработке в духе жертвенной преданности исламской вере. В течение двух меся-

цев курсанты изучали идейные положения радикального исламского фундаментализма. Хаттаб призывал к ненависти к русским. Инструктируя их, он рекомендовал «всех патриотически настроенных русских обвинять в фашизме. Тех же, кто из них захочет встать под святое знамя пророка, необходимо вязать кровью» [14, 341].

Одновременно будущие моджахеды проходили специальную военную подготовку. Хаттаб лично обучал их методам ведения «партизанской войны» в Чечне и проведению террористических акций в других регионах России. Из числа его «учеников» было сформировано ядро «Дагестанской исламской армии», готовившейся к свержению конституционного строя в Дагестане. Некоторая часть выпускников направлялась на стажировку в зарубежные мусульманские страны. «Институт» имел свои представительства в Баку и Киеве, вербовавшие наемников, которые затем направлялись в Сержень-Юрт для прохождения спецподготовки.

Наряду с хаттабовским «Да'ва», свою известность в республике приобрел ваххабитский «Урус-Мартановский джамаат» во главе с «амиром» Умаром бен-Исмаилом. Спецификой этих анклавов являлось то, что они содержались на «спонсорские» деньги, поступавшие из-за ру-

бежа, и изначально являлись средствами геополитической экспансии со стороны мусульманского мира. Именно из этих анклавов должны были поступать мощные импульсы, направленные на полную ваххабизацию не только Чечни, но и всего Северного Кавказа [15].

Изошренно применяя знания психологии, идеологи экстремизма сумели создать политическому терроризму привлекательный образ, что позволило им втягивать в свои ряды женщин и детей. Основными вербовщиками новых сторонников стали боевики, прошедшие «обкат-

ку» в вооруженных конфликтах в Афганистане, Сирии и Ираке и возвращающиеся в страны исхода. Они становились активными проповедниками идей «джихада» и вели подпольную работу по подготовке и осуществлению терактов.

Таким образом, формы и методы международного экстремизма на территории Чечни были срежиссированы западными кураторами для подрыва суверенитета Российской Федерации, однако получили достойный отпор от правоохранительных органов, российской армии и местных жителей.

Примечания:

1. Впервые термин ««чеченский» терроризм» прозвучал еще на Координационном совещании руководителей правоохранительных органов России 7 августа 1996 г. Употребляя в термин ««чеченский» терроризм», мы имеем в виду не столько этнонациональную, сколько политико-организационную и тактическую характеристики.

2. С течением времени «Исламское государство» меняло свои названия: «Исламское Государство Ирака и Сирии» (ИГИС), «Исламское Государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), «Исламское Государство Ирака и Шама» (ИГИШ).

---

1. Пляскин В.П. Армия на Кавказе (1864–1917 гг.). Опыт использования потенциала военной организации в государственной национальной политике. М.: ВАГШ, 2017. 327с.

2. Хроника захвата заложников чеченскими террористами [электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=116713>

3. Россия и Чечня (1990–1997 годы): документы свидетельствуют / Отв. ред. И.Н. Еременко, Ю.Д. Новиков. М., РАУ-Университет, 1997. 264 с.
4. Теракт в городе Кизляре (Дагестан) в январе 1996 года [электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20160109/1351175986.html>
5. Маркедонов С. Терроризм в Чечне: подходы к определению и объяснению феномена [электронный ресурс]. URL: https://ca-c.org/journal/2004/journal_rus/cac-05/04.marrus.shtml
6. Террористические акты, совершенные в Российской Федерации. [электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/29535>
7. День памяти: самые кровавые теракты в России [электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/article/319338-den-pamyati-samy-e-krovavye-terakty-v-rossii>
8. Речь государственного обвинителя В.П. Кравченко. Закон. Журнал для прокуроров и следователей [электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20170327090712/http://law.vl.ru/analit/show_m.php?id=848
9. Забытый геноцид // Известия. 2005. 26 января.
10. Хлебников И. Содержание и сущность «чеченского» терроризма // Власть. 2003. № 8. С. 46.
11. Пащенко И.В. Радикализация и терроризм на Северном Кавказе: вызовы безопасности и стратегия противодействия // Научная мысль Кавказа. 2014. №1. С.40–47.
12. Баранец В.Н. Генштаб без тайн. В 2-х тт. М.: Москва, Вагриус, 1999. [электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/research/0/one/baranets1.rar>
13. Кашиников Б.Н. Чеченский терроризм. Взлет и падение [электронный ресурс]. URL: <http://www.psihdocs.ru/chechenskij-terrorizm-vzlet-i-padenie.html>
14. Добаев. И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов-на-Дону: СКНЦВШ, 2003. 423 с.
15. Кто финансирует террористов в России? [электронный ресурс]. URL: <https://posredi.ru/kto-finansiruet-terroristov-v-rossii.html>

Kaitaeva, Khalimat I. – International Academy of Management (Moscow, Russia); kajtaeva@mail.ru

Apazheva, Elena Kh. – Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University (Nalchik, Russia); elena_apazheva@mail.ru

FORMS AND METHODS OF POLITICAL AND RELIGIOUS EXTREMISM ON THE TERRITORY OF CHECHNYA: HISTORICAL ASPECT (LATE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES)

Keywords: *political extremism, hostage taking, religious factor, gangs, Dudayev's regime.*

Political extremism continues to remain in the field of scientific interest of scientists from various fields of science: historians, lawyers, sociologists, psychologists, etc. Although the time of violent extremism is behind us, no one can say with certainty that it has passed irrevocably. From time to time, extremist events related to inter-ethnic or religious conflicts that take on a political issue occur in different regions of the country. This topic becomes relevant with the conduct of the Special Military Operation in Ukraine and migration flows from this country to Russia. The demilitarization and denazification of Ukraine recalled the events on the territory of Chechnya related to the fight against international terrorism. The purpose of this article is to analyze the forms and methods of extremist militant technologies tested on the territory of the Russian Federation at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries. The objectives of the study are to analyze the reasons for the escalation of extremism in the south of the country, the forms and methods of political extremism, as well as to identify the role of external factors. We have paid close attention to the latter aspect in this article in order to refute once again the claims that Russia was fighting against Chechnya and the Chechens at that time. The training of militants, the supply of weapons, underground gangs, and monetary support for extremism are all links in the same chain of an external factor – to put pressure on the Russian political leadership and create a so-called “free Chechnya” on the territory of the Russian Federation as a springboard for the further collapse of the country. Using historical research methods, we have identified three stages of extremist activity in Chechnya and conducted a generalizing analysis of the forms and methods of political and religious extremism over a difficult historical period.

For citation: *Kaitaeva, Kh.I., Apazheva, E.Kh. Forms and methods of political and religious extremism on the territory of Chechnya: historical aspect (late 20th – early 21st centuries) // Izvestiya SOIGSI. 2024. Iss. 51 (90). Pp.48-64. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.90.51.010*

References

1. Plyaskin, V.P. *Armiya na Kavkaze (1864–1917). Opyt ispol'zovaniya potentsiala voennoi organizatsii v gosudarstvennoi natsional'noi politike* [Experience of use the potential of a military organization in state national policy]. Moscow, VAGSh, 2017. 327p.
2. *Khronika zakhvata zalozhnikov chechenskimi terroristami* [Chronicle of hostage taking by Chechen terrorists]. [Electronic resource]. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=116713>
3. Eremenko, I.N., Novikov, Yu.D. (eds). *Rossiya i Chechnya (1990–1997 gody): dokumenty svidetel'stvuyut* [Russia and Chechnya (1990-1997): Documents testify]. Moscow, RAU-Universitet, 1997, 216 p.
4. *Terakt v gorode Kizlyare (Dagestan) v yanvare 1996 goda* [The terrorist attack in the city of Kizlyar (Dagestan) in January 1996 [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20160109/1351175986.html>
5. Markedonov, S. *Terrorizm v Chechne: podkhody k opredeleniyu i ob'yasneniyu fenomena* [Terrorism in Chechnya: approaches to defining and explaining the phenomenon]. [Electronic resource]. URL: https://ca-c.org/journal/2004/journal_rus/cac-05/04.marrus.shtml
6. *Terroristicheskie akty, sovershennye v Rossiiskoi Federatsii* [Terrorist acts committed in the Russian Federation]. [Electronic resource]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/29535>
7. *Den' pamyati: samye krovavye terakty v Rossii* [Memorial Day: the bloodiest terrorist attacks in Russia]. [Electronic resource]. URL: <https://russian.rt.com/article/319338-den-pamyati-samye-krovavye-terakty-v-rossii>
8. *Rech' gosudarstvennogo obvinitelya V.P. Kravchenko* [Speech of the state prosecutor V.P. Kravchenko]. *Zakon. Zhurnal dlya prokurorov i sledovatelei* [Law. Journal for prosecutors and investigators]. [Electronic resource]. URL: https://web.archive.org/web/20170327090712/http://law.vl.ru/analit/show_m.php?id=848
9. *Zabytyi genotsid* [Forgotten Genocide]. *Izvestiya* [Izvestiya]. January 26, 2005.
10. Khlebnikov, I. *Soderzhanie i sushchnost' "chechenskogo" terrorizma* [Content and essence of "Chechen" terrorism]. *Vlast'* [Vlast']. 2003, no. 8, pp. 46.
11. Pashchenko, I.V. *Radikalizatsiya i terrorizm na Severnom Kavkaze: vyzovy bezopasnosti i strategiya protivodeistviya* [Radicalisation and terrorism in the North Caucasus: security challenges and strategy of counteraction]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus]. 2014, no. 1, pp. 40–47.

12. Baranets, V.N. *Genshtab bez tain. V 2-kh tt.* [General Staff without secrets. In 2 vols. [Electronic resource]. Moscow, Moscow; Vagrius, 1999. URL: <http://militera.lib.ru/research/0/one/baranets1.rar>
13. Kashnikov, B.N. *Chechenskii terrorizm. Vzlet i padenie* [Chechen terrorism. Rise and fall]. [Electronic resource]. URL: <http://www.psihdocs.ru/chech/enskij-terrorizm-vzlet-i-padenie.html>
14. Dobaev, I.P. *Islamskii radikalizm: genezis, evolyutsiya, praktika* [Islamic radicalism: genesis, evolution, practice]. Rostov on Don, SKNTsVSh, 2003. 423 p.
15. *Kto finansiruet terroristov v Rossii?* [Who finances terrorists in Russia?]. [Electronic resource]. URL: <https://posredi.ru/kto-finansiruet-terroristov-v-rossii.html>